

Т. А. Славина,
историк

Исследователь

В. В. Суслов.

Русская архитектура имеет более чем тысячелетнюю историю. Наука о русской архитектуре сравнительно молода — ее собственная история насчитывает два века; и лишь столетие назад она обрела черты научного знания в современном понимании. Возникновение и развитие новой науки всегда имеет характер объективной закономерности — историко-архитектурная наука не могла не родиться в положенное время, ее создала русская культура как своеобразный орган, удовлетворяющий потребность в знании своих корней, в знании собственного наследия.

Владимир Васильевич Суслов — архитектор, реставратор, крупнейший исследователь русского зодчества, заложивший основы научного метода восстановления памятников, — начал свою работу с 1880-х годов. Для того чтобы оценить вклад Суслова в историко-архитектурную науку, напомним хотя бы бегло о том, какими знаниями и представлениями о собственном архитектурном наследии располагала тогда Россия.

XVIII век. В обстановке всеобщего увлечения западной культурой разве только вчерашний холмогорский помор Ломоносов может позволить себе с раздражением говорить о «свете, который едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древняя Греческия и Римския... деяния». На исходе столетия только немногие — Н. И. Новиков, А. Зертис-Каменский, Е. Болховитинов — це-

нят и изучают «сокровища российской древности».

Начало XIX века. Карамзин, открывший соотечественникам русскую историю, предупреждает об опасности преклонения перед Западом: «Мы никогда не будем сильно чужим умом и славны чужой славой». Но патриотизм этой поры еще абстрактен, и тот же Карамзин, описывая московские достопамятности, безмятежно замечает: «Италийский архитектор, именем Аристотель, родом из Болоньи, привез к нам вкус щастливого века Медицисов... и построил в Москве Успенский собор; ...прежде того в России не имели идеи о хорошей архитектуре».

1820-е годы. Изучение «древностей», которым занято уже множество любителей и археологов, распространяется и на памятники зодчества; в летописях и архивах найдено немало сведений, раскрывающих историю строительства древнейших зданий. Академия художеств начинает собирать обмеры памятников — в Москве, в Киеве, во Владимире, где, «по слухам», есть древние церкви.

1830-е годы. На противоречивом фоне, в первых, глубокого интереса к русской культуре, свойственного передовой интеллигенции, и, во вторых, официальной программы «народности» возникает национальное направление в архитектурной практике — «русско-византийский стиль»: строится Большой Кремлевский дворец, закладывается храм Христа Спасителя, реставрируются поврежденные французами памятники Кремля. Но что это такое — русский стиль? В чем его особенности, где истоки национальной традиции, что в русском зодчестве собственно «национального»? Стремление понять и объяснить — залог зарождения новой науки.

1840 — 1860-е годы. Первые шаги — умеренны и неверны: метод исследования заключается в отыскании сходства между формами русских и иноземных памятников. Это — явный отзвук унаследованной от XVIII века привычки ценить достоинство мерой «заграничности». «Древнейшее русское церковное зодчество было основано на правилах Византийской архитектуры, — читаем мы в книге, изданной в 1851 году, — ...отличается прибавками, взятыми из стилей Готического, Мавританского и Итальянских... Итальянские зодчие с конца XV века внесли к нам разные части других стилей». И пока только один голос возражает против этой — общепринятой — концепции: голос И. Е. Забелина. Документально доказав, что Теремной дворец в Кремле построен русскими мастерами, он утверждает: истоком их искусства служили чисто народные традиции.

1870-е годы. Чем больше фактов накапливают исследователи, тем острее становится борьба течений в науке о русской архитектуре. В 1871 году Забелин выступает с докладом, суть которого ясна из названия: «Русское искусство. Черты самобытности русского зодчества». Упрекая противников в «полном неведении своей истории и своей старины», он ставит архитектурное формообразование в зависимость от природы, климата, от быта народа и его духовного мира. Обходя выводы Забелина молчанием, маститые археологи по-прежнему отыскивают «греческие» черты в зодчестве Новгорода, романские — в храмах Владимира, русское деревянное храмообразие

выводят от западных славян, у которых будто бы учились русские плотники. Помощь неожиданно приходит из-за рубежа: видный французский ученый Э. Виолле ле Дюк, стоящий, в общем, на позициях той же концепции заимствований, заявил: из многих различных источников и под влиянием специфических природных и исторических условий Россия создала архитектуру великую и самобытную... Но послушайте, с каким негодованием возражает ему глава московских любителей старины С. Г. Строганов: «Постоянно черпая в горнилах византийском, романском, итальянском и татарском, черпая чаще всего иноземными руками, русское искусство не проявило в своих произведениях того, что... можно было бы назвать самобытным национальным стилем».

Эта отповедь была напечатана в 1878 году. В том же году в Петербургскую Академию художеств поступает Владимир Васильевич Суслов. Родом он был из палехских иконописцев, своему происхождению был обязан врожденным чувством прекрасного, интуитивным знанием глубинных эстетических предвещаний народа. Впечатления от архитектуры Москвы наложили отпечаток на его вкусы: московское Училище живописи, ваяния и зодчества, где учился Суслов, имело в числе своих традиций уважение к русскому зодчеству (именно здесь еще в 1850-е годы начинал И. Е. Забелин). Как мыслителя и гражданина Сулова воспитала атмосфера пореформенной России: он примкнет вскоре к лагерю ученых, в центре внимания которых находится народ как основной носитель русской культуры, — к лагерю И. Е. Забелина и В. О. Ключевского, Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова, И. И. Срезневского и А. А. Шахматова, к лагерю тех, кто «понимает творчество... и давно привык находить его не только в парадной зале с колоннами, но и в темной избе, едва освещенной волоковым окном, кто верует в него там, где оно исходит не только из рук человека, одетого во фрак со звездой, но и из рук людей, весь век проходивших в бедной рубахе или сарафане» (В. В. Стасов).

Культура второй половины XIX века пронизана идеей преемственности: настоящее видится в живой связи с прошлым и будущим, прошлое же оценивается как мощнейший фонд достижений народа, без которых немислимо настоящее. Принимая эту точку зрения, Суслов принимает и осмысленную наукой его времени идею непрерывной эволюции общества, культуры, искусства. Он не замыкается в фанатичном изучении прошлого, поставив целью осмысление культурного наследия ради современности.

Это стало программой деятельности Сулова; четыре года, проведенные в академии, помогли выбрать конкретные пути ее реализации. Недостаточно было в е р т ь в самобытность русского искусства; «обдуманный век», как назвал свою эпоху И. С. Тургенев, требовал убедительных доказательств истинности любого положения. Интуиция позволяет Сулову безошибочно сориентироваться в выборе исходных посылок, взяв на вооружение самое ценное в идеях и методах его современников. Посылкой было три: первая заключалась в мысли о том, что архитектурная форма обусловлена назначением здания и его конструкций и, следовательно, функционально вытекает из потребностей людей, для

которых строится здание, и из возможностей, предоставляемых строительным материалом и умением строителей (эту мысль разрабатывала русская рационалистическая архитектурная теория с середины XIX в.); вторую посылку Суслов почерпнул в разработках архитектора Л. В. Даля (сына автора «Толкового словаря» В. И. Даля), утверждавшего, что установить «логического происхождения» архитектурной формы возможно только при историческом ее изучении, для чего необходимо тщательное натурное исследование памятников; третья посылка состояла в признании деревянного зодчества древнейшим и «исконно русским» видом строительного дела — на это указывали Забелин и В. А. Прохоров — директор музея древнерусского искусства при Академии художеств. По маршруту, составленному Прохоровым, прошел Олонецким краем Л. В. Даль, но ранняя кончина помешала ему завершить начатое.

В 1883 году двадцатипятилетний «классный художник I степени» Владимир Суслов подал в Совет академии просьбу финансировать его научную командировку на Север: чутье ученого ведет его в вольные лесные края, куда еще не ступала нога исследователя. В том же году он отправляется в первое свое путешествие — от Вологды до Архангельска.

Деревянное зодчество стало для него любимейшей страницей древнерусской архитектуры. Что может быть лучшим материалом для строителя, чем дерево? «Стоит вспомнить толстые 11-вершковые бревна, из которых рубилась встарь наша изба лесного Севера; эти бревна обилились смолой, как янтарными слезами, и побурели в сизовато-пурпурный цвет — топор их не берет, искры сыплются. Отколите щепку от такого дерева, через двести лет оно внутри свежо; посмотрите через эту щепку на свет — она прозрачна, как засахаренная дынная корка». Избы и церкви, хоромы и колокольни — такие же детища северной природы, как и деревья, из стволов которых они срублены. Просторы равнин и речных берегов потребовали сооружений высоких, издали видных; компактная, крепко сбита форма дома позволяет сохранить тепло в зимнюю стужу, а шатровые и скатные кровли — защитить здание от снега и дождя. Здесь нет аркад и портиков, рождающих под итальянским солнцем игру света и теней; но как изысканно рисуется силуэт многоглавого храма, увенчанного серебристыми луковками, на фоне северного неба в туманный день или в белую ночь!

Корни плотницкого дела уходят в глубокую древность — об этом свидетельствует русский язык, сохранивший с незапамятных времен имена стены, стрехи, порога; окно звалось «волоковым» — через него выходил дым от очага, потом «косящим», «красным», стеклычатым... Совершенствовались детали конструкций, изобретается и совершенствуется очаг, превращаясь в знаменитую русскую печь. Суслов раскрывает в русской избе блестящий образец решения важнейших жизненных задач при строжайшей экономии средств. Здесь нет «ничего лишнего, но необходимого», необходимое же обеспечено точным размещением пространств и утвари: целая жизнь вписывается в мир избы — отдых и приготовление пищи, мужское ремесло и бабы посиделки с руко-

дельем, прием гостей и хранение припасов. Скатная кровля не только целесообразна, она придает дому выразительный силуэт, и хозяин любовно украшает венчающий скаты охлупень фигурным коньком и резными «бабайками». Конек — символ, уходящий корнями в незапамятные времена; но здесь сказалось и «стремление завершить здание в высшую конечную точку... следствие безотчетной потребности увенчать произведение как бы последним звучным аккордом». Вкус и чувство меры велят оставить неукрашенной великолепную по фактуре рубленую стену; зато накладные элементы — наличники, причели-

Церковь в селе Медведково в конце прошлого столетия. Обмер сделан Сусловым в 1885 году.

ны — украшаются резьбой, в которой слышатся Суслову северные песни — «повторение одного и того же мотива без конца или с перемежающимся, замечательно изысканным... падением на кварту».

«Мы создали эту избу сами, — заключает Суслов, — под влиянием исключительно 1) нашего климата, 2) имеющегося у нас строительного материала, 3) нашего духовного склада, т. е. нравов, обычаев, общественного, семейного и религиозного строя, 4) присущего нам художественного вкуса... Ее замысел носит следы вековой строго обдуманной работы; только нужда и упорная борьба со стихиями природы могла создать столь цельное и законченное во всех отношениях явление».

От гражданского деревянного зодчества Суслов переходит к деревянным храмам, где «нужда» отступает перед желанием «воплотить свои идеалы духовной красоты и проявить их в наиболее художественных и совершенных формах», но где действуют те же законы формообразования, что и в архитектуре избы. В основе храмов — те же клетки-срубы, те же шатры, крыльца, резьба, только срубы вырастают в высокие башни, шатры возносятся на сорокаметровую высоту, упругие силуэты кровель — «бочек» — венчаются серебристыми куполами. Такой предстает русская архитектура в «Обзоре древнего деревянного дела на Руси» — этот труд, законченный в 1900-е годы, Суслов считал главным делом своей жизни. Основная же его идея была высказана ученым уже в 1884 году на VI археологическом съезде, где Суслов делал доклад по материалам первой экспедиции: «Зодчество есть естественный продукт самобытной жизни народа». Это было вызовом, ибо именно председателю съезда, крупному археологу А. С. Уварову, принадлежала гипотеза о том, что деревянные церкви пришли на Русь от западных славян. Сусловым руководило чувство «нравственного долга» перед родным искусством — так характеризовал он в эти годы мотивы своих научных изысканий.

Долг этот вел ученого в новые экспедиции. Еще четыре года подряд — с 1884 по 1887-й — он совершает поездки по России, обмеряя памятники, рисуя их, фотографируя, разыскивает архивные документы, коллекционирует предметы утвари. Географические границы исследований охватывают почти всю Европейскую Россию — от Баренцева моря до Астрахани; хронологические — отодвигаются в глубь веков вплоть до XII столетия. Наряду с деревянным зодчеством, Суслов исследует и каменное — крепости, соборы, гражданские постройки. С 1887 года он работает как реставратор в Переславле-Залесском, Пскове, Новгороде, разрабатывает методику научных исследований, предшествующих реставрации, проводит зондажи штукатурки, раскопы, снятие поздних кровель.

Фигура В. В. Сулова — редкое и счастлирое сочетание в одном лице архитектора-практика, исследователя, художника. Профессиональный архитекторский подход к памятникам позволял ему увидеть в них черты, скрытые от непрофессионала, — понять, как сделана та или иная форма и почему она сделана так, а не иначе (кстати, концепцию заимствований исповедовали главным образом люди, не сведущие в зодческом ремесле, не умевшие видеть за внешней формой тайну ее рождения; и перелом в историко-архитектурной науке 1880-х годов стал возможен благодаря тому, что в число историков зодчества встали архитекторы Даль, Суслов, Павлинов, Султанов). Архитектор-исследователь как бы отождествляет себя со своим далеким предшественником, восстанавливая ход его мыслей, запас его знаний и умений, последовательность действий. Если напомнить, что Суслов принадлежал к поколению зодчих-рационалистов, ставящих логику функции и конструкции в основу формообразования, — становится ясным, каким образом он сумел раскрыть происхождение многих элементов русского зодчества. Так, характерный трехлопастный силуэт новгородских храмов принято было считать

имитацией византийского тройного окна. Суслов показал, что эта форма возникла из сочетания трех сводов — полуциркульного и двух в четверть окружия; луковичную главу считали заимствованной с мусульманского Востока, по Суслову, — это результат преобразования полусферического византийского купола с целью защиты главы от дождя и по эстетическим мотивам...

Но Суслов не только «логик»; художник, он умеет увидеть и оценить тончайшую игру объемов и линий, благодаря которой продукт здравого смысла становится произведением искусства. Приступая к восстановлению искаженного временем и перестройками памятника, Суслов дотошно изучал натуральный и документальный материал; но в процессе реставрации им руководило не только научное знание, но и интуиция художника, позволившая, например, сохранить узорное окно XVII века, «нарушающее» суровость стен Новгородской Софии, прорисовать силуэт, вылезти утраченную форму... Вот он начинает проектировать новые постройки (в числе его произведений — выставочные здания, церкви, жилые дома): от архитектора, влюбленного в русское средневековье, мы вправе ожидать склонности к копированию древних форм, однако этого не мог позволить себе ученый, раскрывший «внутреннюю жизнь формы» как ее эволюцию. Протестуя против «мещанского пошиба» псевдорусских стилизаций, Суслов устанавливает для себя правило: «Возможно большее выражение принципиальных сторон русского зодчества и возможно меньшее точное повторение древних архитектурных форм».

Громадный натуральный материал, собранный Сусловым, дает ему возможность приступить к научным обобщениям. Следует помнить, что историко-архитектурная наука тогда еще не имела более или менее полного представления об истории русского зодчества, только в 1894 году вышла в свет «История русской архитектуры» А. М. Павлинова, осветившая некоторые страницы каменного культового зодчества. Однако еще в 1888 году Суслов разрабатывает программу лекций по истории русского искусства, свидетельствующую о зрелом научном подходе к проблеме. Основные положения концепции Суслова были восприняты его последователями (в частности М. В. Красовским), а затем и советской наукой: сюда относятся рассмотрение архитектуры в единстве с историей страны, в совокупности с изобразительным и прикладным искусством, строгий анализ объективной логики происхождения формы, внимание к гражданскому зодчеству как к ведущей сфере строительной деятельности, учет важной роли деревянного зодчества во взаимовлиянии его и зодчества каменного.

Целостной истории архитектуры Суслов не написал, но его трудами были ликвидированы два обширных «белых пятна» в этой науке: псковско-новгородское зодчество (большая статья 1888 года) и деревянное зодчество. Получили новое освещение многие памятники Поволжья и Подмосковья, в особенности XVI — XVII веков, — Суслов любил величественные и нарядные ансамбли той эпохи, зрело и свободно воплотившие многовековой техникой и художественный опыт зодчих России.

Строго говоря, ученый обязан быть бесстрастным и беспристрастным в оценках

объекта исследования, но мог ли остаться таковым г р а ж д а н и н, отвоюевавший родному искусству право на общественное признание? Патриотический максимализм мешал Суслову, как и многим его современникам, правильно оценить значение петровских преобразований, прервавших, как им казалось, естественный ход развития отечественных традиций. Суслов признает мастерство зодчих XVIII — XIX веков, совершенство их произведений, но в целом архитектура послепетровской эпохи представляется ему заимствованной и фальшивой. Сердце его отдано средневековью: «Не знаю, личный ли это вкус или чувство народной гордости, которого, впрочем, не стыжусь, но ничто, мне кажется, не может так вдохновить современных художников, как эти облики своенародных представлений. Неужели бесконечная анфилада западных домов или всевозможные ящики на лондонский манер со скучным фронтоном посредине и приторной симметрией в плане и фасаде, неужели все это так быстро приладилось к нашей жизни и уже сумело очаровать впечатление русского глаза? Нет, настало время, когда идея самобытности олять выступит... Стало ясно, что только разумная разработка истинных идеалов своего народа способна освободить нас от двухвековой безликости».

Пройдет время, и придет понимание важности «петербургского периода» русской культуры, наука исправит перекокс в оценках. Важно другое: пафос патриота, окрашивающий страницы научных изысканий Суслова, неуклонно менявший отношение современников к наследию прошлого. В 1910 году, начиная издание своей «Истории русского искусства», И. Э. Грабарь подвел итог многолетней дискуссии о самобытности: «На вопрос, было ли в России великое искусство, мы вправе без малейшего колебания ответить: да, оно было. Россия в своем прошлом имеет таких блестящих мастеров, таких поистине великих зодчих, живописцев, скульпторов и декораторов, что имена их она с гордостью может противопоставить именам многих мастеров запада». Эта точка зрения, принятая нами сегодня, была подготовлена трудами Суслова и его коллег.

...На съездах зодчих и археологов, на заседаниях комиссий, в Совете Академии художеств и в ее аудиториях, на страницах книг и журналов звучал страстный призыв Суслова к изучению, охране, восстановлению памятников зодчества. Он мечтал о создании развитой государственной системы охраны памятников, о широком общественном движении, без которого эта охрана немислива, о популяризации знаний об архитектурном наследии. «Если общество, от правительства до самых широких слоев населения, не знает цены и значения древнего зодчества, — памятники его обречены на разрушение и гибель», — предупреждал ученый. Немного из задуманного им могло быть осуществлено в дореволюционной России; сегодня памятники охраняют законы Советского государства. Реставраторы наших дней совершенствуют методы, в общих чертах разработанные Сусловым. Далеко шагнула вперед историко-архитектурная наука, но во множестве книг и статей можно найти ссылки на труды Суслова, а отряды энтузиастов, отправляющихся на поиски еще не обследованных памятников, продолжают дело его жизни.